

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЫБОРА СРЕДСТВ ПЕРЕВОДА СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФРАНЦУЗСКИЙ

А. О. ПЕРЗАШКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Изучаются практика, особенности и закономерности выбора средств перевода слов категории состояния с русского языка на французский на материале классического перевода романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В ходе исследования устанавливается типология средств перевода слов категории состояния с русского языка на французский. Определяются ключевые стратегии перевода: использование безличных конструкций с местоимением *il*, глаголов, наречий, существительных или прилагательных, а также применение грамматической трансформации предложения. Выявляются закономерности выбора конкретной стратегии в зависимости от семантической группы, к которой относится слово категории состояния, и контекстуального окружения этого слова.

Ключевые слова: категория состояния; перевод; безличная конструкция; глагол; наречие; существительное; прилагательное; грамматическая трансформация; семантическая группа; Л. Н. Толстой.

ЗАКАНАМЕРНАСЦІ ВЫБАРУ СРОДКАЎ ПЕРАКЛАДУ СЛОЎ КАТЭГОРЫІ СТАНУ З РУСКАЙ МОВЫ НА ФРАНЦУЗСКУЮ

Г. А. ПЕРЗАШКЕВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Вывучаюцца практыка, асаблівасці і заканамернасці выбару сродкаў перакладу слоў катэгорыі стану з рускай мовы на французскую на матэрыяле класічнага перакладу рамана Л. М. Талстога «Ганна Карэніна». У ходзе даследавання ўстанаўліваецца тыпалогія сродкаў перакладу слоў катэгорыі стану з рускай мовы на французскую. Вызначаюцца ключавыя стратэгіі перакладу: выкарыстанне безасабовых канструкцый з займеннікам *il*, дзеясловаў, прыслоўяў, назоўнікаў або прыметнікаў, а таксама прымяненне граматычнай трансфармацыі сказа. Выяўляюцца заканамернасці выбару канкрэтнай стратэгіі ў залежнасці ад семантычнай групы, да якой адносіцца слова катэгорыі стану, і кантэкстуальнага асяроддзя гэтага слова.

Ключавыя словы: катэгорыя стану; пераклад; безасабовая канструкцыя; дзеяслоў; прыслоўе; назоўнік; прыметнік; граматычная трансфармацыя; семантычная група; Л. М. Талстой.

Образец цитирования:

Перзашкевич АО. Закономерности выбора средств перевода слов категории состояния с русского языка на французский. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;1:87–97.
EDN: SIENIP

For citation:

Perzashkevich HA. Patterns of choosins the means of translating words of category of state from Russian into French. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;1:87–97. Russian.
EDN: SIENIP

Автор:

Анна Олеговна Перзашкевич – аспирант кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Ровдо.

Author:

Hanna A. Perzashkevich, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
hanna.perzashkevich@gmail.com

PATTERNS OF CHOOSING THE MEANS OF TRANSLATING WORDS OF CATEGORY OF STATE FROM RUSSIAN INTO FRENCH

H. A. PERZASHKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article reviews practice, features and patterns of choosing the means of translating words of the category of state from Russian into French, based on the classical translation of L. N. Tolstoy's novel «Anna Karenina». The study establishes a typology of translation means for Russian words of the category of state into French. The key translation strategies have been identified including the usage of impersonal constructions with the pronoun *il*, the usage of verbs, adverbs, nouns, or adjectives, as well as application of grammatical sentence transformation. The revealed patterns governing the choice of a specific strategy show their dependence on the semantic group of the predicative word and its contextual milieu.

Keywords: category of state; translation; impersonal construction; verb; adverb; noun; adjective; grammatical transformation; semantic group; L. N. Tolstoy.

Введение

Сопоставление языков интересует исследователей со времени зарождения научного знания и остается актуальным в настоящее время. Язык как система знаков – это основной механизм построения модели действительности в сознании как каждого его носителя, так и целого коллектива. Репрезентация картины мира носителей того или иного языка позволяет исследователю делать выводы не только о собственно языковой системе, но и о культуре, ментальности, традициях, а также о базовых поведенческих установках, вписанных в коллективное сознание. Таким образом, у носителей разных языков языковые коды и общее представление о действительности могут иметь существенные различия. Для наиболее точного понимания носителя другого языка необходимо учитывать общность элементов реальности, представленных разными кодами, а также различия в самих реалиях и их систематизации. Поскольку распознавание действительности происходит от формы к содержанию, то можно утверждать, что важной частью исследования языка являются его специфичные элементы, которые не имеют прямых аналогов в других языках. Такие элементы возможно выделить при сопоставлении языков (в данном случае мы говорим о русском и французском языках).

Рассматриваемые языки принадлежат к индоевропейской языковой семье, однако входят в разные языковые группы: славянскую и романскую. Этим фактом объясняется общность базовых грамматических механизмов, таких как, например, формирование категориального значения частей речи или построение линейных синтаксических связей между подлежащим, сказуемым и второстепенными членами предложения, а также морфологическая разница элементов, осуществляющих эти связи. Отличия морфологических систем русского и французского языков указывают на изменения в модели объективной действительности, возникающие при переключении языкового кода. Так, носители русского языка могут столкнуться со сложностями в понимании французского не только из-за разницы в лексике. Камнем преткновения может стать и грамматика, поскольку именно она является основным механизмом связи единиц языкового кода, с помощью которого создается модель действительности. Носитель языка с определенным грамматическим строем, переходя на другой язык и используя иную грамматическую систему, фактически оказывается в новой реальности из-за разницы в механизме построения ее модели.

В данном исследовании мы говорим о разнице, возникающей в тексте при переводе на французский язык слов из лексико-грамматической категории состояния (далее – СКС), существующей в сознании носителей русского языка. Данная категория в русском языке является довольно специфичной, так как обладает довольно развитой семантикой, однако не имеет общности грамматической формы, из-за чего у ученых до сегодняшнего дня нет единой позиции относительно данного языкового явления [1].

Под категорией состояния мы понимаем языковое явление, описанное сначала Л. В. Щербой¹, а затем В. В. Виноградовым как «несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют формы

¹Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: М. : Наука, 1974. С. 77–100.

времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки быть) и употребляются только в функции сказуемого»². Разница морфологической системы русского и французского языков не позволяет использовать прямой аналог слов, относящихся к этой категории в русском языке, при переводе на французский. Из-за возникающей на грамматическом уровне лакуны переводчику необходимо применять средство, позволяющее наиболее точно передать языковую действительность оригинального текста и сохранить эффект воздействия на воспринимающего текст.

В данном исследовании в качестве модели объективной для носителя русского языка действительности мы используем роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», в котором нами были выделены конструкции, содержащие слова лексико-грамматической категории состояния. Для выделения и последующей систематизации единиц, которыми слова этой категории переводятся на французский язык, мы обращаемся к переводу романа. Таким образом, СКС в русском тексте являются для нас объектом исследования, а средства их перевода – его предметом.

Материалы и методы исследования

Поскольку текст романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» является материалом исследования, необходимо рассмотреть хронологический аспект его печати. Издание, к которому мы обращаемся, датировано 1963 г. Роман напечатан уже после проведения орфографической реформы 1918 г., следовательно, в тексте прижизненного издания автора романа и тексте, который используется в данном исследовании, есть некоторые отличия.

Опираясь на данные французских библиографов об используемом в настоящей работе переводе и материалы ведущих русских эмигрантских издательств Франции³ времени создания перевода А. Монго [2, с. XV – XVI; 3, с. 113–125], мы считаем, что автор упомянутого перевода работал с прижизненным изданием текста Л. Н. Толстого, так как данный перевод был сделан до 1936 г. (в этом году переводчик получил за него премию *Prix Langlois*⁴).

С учетом специфики орфографической реформы [4] целесообразно рассматривать до- и послереформенные русскоязычные издания романа «Анна Каренина» как один и тот же текст. По этой причине для данного исследования не имеет значения, с каким именно изданием текста Л. Н. Толстого работал А. Монго.

Методологическую основу настоящей работы составляют общенаучные (дедукция, индукция, анализ, синтез) и количественные методы, а также методы контрастивной лингвистики (сравнительный, контекстно-текстуальный, сопоставительный анализ).

Результаты и их обсуждение

В романе выявлены 1222 предложения, в которых содержатся 1519 словоупотреблений интересующей нас категории. С опорой на труды В. В. Виноградова⁵ и А. М. Пешковского [5] мы распределили СКС по семантическим группам, которые приведем в порядке убывания количества предложений, содержащих соответствующие группе СКС. Отметим, что СКС, входящие в состав предложения, но принадлежащие к другой семантической группе, в данном случае не учитываются. Некоторые конструкции могут содержать несколько типов СКС, поэтому общее число конструкций не будет равно сумме конструкций, составляющих каждую из групп. При подсчетах повторяющиеся при этом условии конструкции учитываются однократно.

Таким образом, в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» представлены группы СКС со следующими значениями:

- модальности (950 предложений, содержащих 1126 СКС (74,1 %));
- чувства, эмоционального состояния, психологического переживания (160 предложений, содержащих 227 СКС (14,9 %));
- оценки действия или ситуации (52 предложения, содержащих 65 СКС (4,3 %));
- пространства или времени (42 предложения, содержащих 49 СКС (3,2 %));
- состояния природы (16 предложений, содержащих 18 СКС (1,2 %));

²Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове // Slovari.ru : сайт. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&oa0=14#s001> (дата обращения: 20.01.2026).

³Léon Tolstoï. Anna Karénine // SensCritique : website. URL: https://www.senscritique.com/livre/anna_karenine/196592/details (date de la demande: 11.01.2026).

⁴Henri Mongault // Académie française : website. URL: <https://www.academie-francaise.fr/henri-mongault> (date de la demande: 11.12.2025).

⁵Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове...

- достаточности, прекращения действия (9 предложений, содержащих 13 СКС (0,9 %));
- физического состояния, возникающего иногда как результат внешних восприятий и ощущений (11 предложений, содержащих 12 СКС (0,8 %));
- состояния окружающей среды (9 предложений, содержащих 9 СКС (0,6 %)).

При распределении СКС на группы учитывались следующие факторы: 1) лексическое значение каждого отдельно взятого СКС; 2) синтаксическое окружение СКС, т. е. компоненты-расширители, которые позволяют актуализировать определенное значение у многозначных слов. Исследуемые слова в семантических группах со значением чувства и эмоционального состояния, оценки действия или ситуации, состояния природы, состояния окружающей среды, а также физического состояния имеют синкретичную природу [6], из-за чего и возникает множественность вариантов перевода. Выбирая то или иное средство, переводчик актуализирует определенную сему.

Если переводчик воспринимает состояние как таковое, т. е. наделяет его особой значимостью, в качестве средства перевода используется безличный оборот. При этом учитывается характер семантики подлежащего. Как правило, здесь используется формальное подлежащее *il*, за которым скрывается некоторый субъект, чей узус позволяет рассматривать его как творителя непроизвольно возникающего состояния. В данном случае переводчиком используется модель *il* + предикат: *К утру Анна задремала, сидя в кресле, и когда проснулась, то уже было бело, светло и поезд подходил к Петербургу* [7, т. 8, с. 125] – *À l'aube cependant, elle s'assoupit dans son fauteuil; il fausait grand jour quind elle se réveilla; on approchait de Pétersbourg* [8, с. 165]; *Н надо послать за Лизаветой Петровной* [7, т. 9, с. 318] – *... il vaut mieux chercher Élisabeth Péetrovna* [8, р. 954]; *Тебе светло будет здесь...* [7, т. 8, с. 92] – *Il fera plus claire ici* [8, р. 124].

В большинстве случаев в позиции предиката оказывается безличный глагол, значительно реже используется личный глагол в значении безличного. Такое морфологическое выражение состояния объясняется спецификой его восприятия переводчиком как главного смыслообразующего элемента предложения. Если признавать, что личное местоимение третьего лица имеет идейную нагрузку, то некоторые выражения можно считать идиомами: *Помилуйте, в наше время уж пора оставить эту старину* [7, т. 8, с. 58] – *Croyez-moi, il est grand temps de renoncer aux idées d'autrefois* [8, р. 82]; *Вы говорите, что жарко?* – *сказала она, остановившись у двери и вопросительно глядя на Вронского...* [7, т. 9, с. 35] – *Vous dites qu'il fait chaud? dit-elle sur le pas de la porte en interrogeant Vronski du regard* [8, р. 649].

Такого рода выражения используются, когда состояние существует как таковое, независимо от каких-либо внешних факторов. В случае если состояние не существует само по себе или по воле потенциального субъекта-творителя, а зависит от ситуации, на которую указывает подлежащее, используется безличная конструкция типа *se* + *être* + приглагольное (наречие, существительное): *Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался, улыбаясь. Да, хорошо было, очень хорошо...* [7, т. 8, с. 8] – *Un éclat de joie brilla dans les yeux de Stéphane Arcadiévitch. Oui, se dit-il en souriant, c'était charmant, tout à fait charmant...* [8, р. 20]; *Ах, ужасно! ай, ай, ай! ужасно!* – *твердил себе Степан Аркадьич и ничего не мог придумать* [7, с. 10] – *Ah! c'est affreux, affreux, affreux! répétait Stéphane Arcadiévitch, sans pouvoir trouver d'issue à son malheur* [8, р. 22–23].

В отличие от первого случая, здесь состояние в большей степени связано с субъектом, однако сам субъект не обладает для переводчика первостепенной значимостью, т. е. он либо отсутствует в предложении, либо не попадает в предикативный центр. Таким образом, субъект оказывается в позиции прямого дополнения и воспринимается как субъект – носитель состояния, возникающего в определенной ситуации.

Частеречная принадлежность составной именной части сказуемого обусловлена актуализацией определенной семы. Если фокус внимания переводчика находится на семе предметности, используется существительное, если на семе признака – прилагательное, причастие или наречие в зависимости от характера признака. Признак предмета выражается прилагательным, при наличии значения процессуальности используется причастие, а если речь идет о признаке ситуации, соотносящейся с такими категориями, как время и пространство, то используется наречие. Состояние может восприниматься как эмоция или ощущение, тогда с помощью существительного может быть актуализирована сема предметности. Какая бы часть речи ни была использована внутри безличной конструкции, наиболее значимым для переводчика является состояние как таковое. Именно таким восприятием обуславливается формирование предикативного центра с помощью безличного оборота, а условия протекания состояния или его субъект не являются константными элементами.

При актуализации связи состояния и субъекта-носителя в ситуации, при которой состояние получает локализацию во времени, переводчик использует личные глаголы. Так подчеркивается процессуальность

состояния. Глаголы семантически достаточно разнообразны, чтобы передать значение состояния, реализованное в оригинале. Их синтаксическая валентность позволяет включать в предложение дополнительные элементы, которые характеризуют ситуацию в русскоязычном тексте. Однако в тексте на русском языке в предикативном центре оказывается одиночное СКС, что свидетельствует о второстепенности субъекта, не являющегося ключевым элементом пропозиции. В переводе на французский язык субъект попадает в предикативный центр, следовательно, он становится настолько же значимым, как и само состояние.

Когда субъект воспринимается в качестве носителя состояния или обладателя признака, переводчик может использовать устойчивое выражение (*expressions de sentiment*) типа *avoir* + существительное. Наиболее значимым в таком случае оказывается не состояние как таковое, а его прямая соотнесенность с субъектом, показанным в той или иной ситуации обладателем определенной черты, под которой в широком смысле может подразумеваться чувство, эмоция, возможность и т. п.

При переводе состояние может восприниматься переводчиком как признак. В таком случае актуализируется соответствующая сема и признак становится наиболее значимым элементом предложения, а субъект представляется как его носитель. Важно, что природа субъекта здесь не играет роли: его одушевленность или неодушевленность не оказывают влияния на общее значение предложения. При актуализации семы признака возможно подчеркнуть процессуальность состояния. В этом случае используются причастия. Так сохраняется предикативный центр предложения, в то время как при использовании прилагательных состояние выходит за его пределы и попадает в позицию определения, как правило, обособленного, в результате чего фокус внимания воспринимающего текст человека сосредоточивается на признаке.

Для перевода СКС может быть использовано существительное, если переводчик воспринимает состояние как самостоятельный субъект действительности. В этом случае актуализируется сема признака, что обусловлено высокой степенью восприимчивости, как при физическом ощущении. Предметность состояния позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного элемента действительности, который может находиться как в центре пропозиции, так и на ее периферии. Существительное обладает достаточным потенциалом для того, чтобы соотносить опредмеченное состояние с ситуацией и действиями, имеющими временную отнесенность, при этом подобное состояние может быть наделено определенными признаками.

В случае восприятия состояния как признака действия при переводе предикативный центр смещается на действие. Так оно становится наиболее значимым элементом предложения, а состояние становится характеристикой действия и занимает позицию обстоятельства. Здесь для перевода СКС закономерно использовать наречие, поскольку его категориальное значение признака действия идентично в русском и французском языках. Переводчик может прибегать к использованию наречия, руководствуясь собственной интенцией, закономерно обусловленной семантической близостью СКС в русском и *les adverbes* во французском языках.

При решении переводческой задачи о передаче прагматического значения оригинальной конструкции, в которой содержится СКС, т. е. о сохранении ее общей значимости в коммуникативном акте, в переводе может происходить частичная или полная грамматическая трансформация. При частичной трансформации наблюдается опущение СКС, а при полной изменяется лексико-грамматический состав конструкции в целом. В первой ситуации переводчик находит простейший способ решить проблему отсутствия во французском языке морфологического соответствия лексико-грамматической категории состояния в русском языке без потери общего смысла и коммуникативной значимости предложения. Во второй ситуации переводчику важно воссоздать атмосферу авторского текста. Для достижения этой цели могут быть использованы языковые средства, лексически не сопоставимые с оригинальными языковыми средствами.

В результате исследования мы типологизировали способы перевода СКС в порядке убывания частоты их применения.

Перевод с использованием безличных конструкций. *Надо же вам дать хоть кофею откушать, – сказал Матвей тем дружески грубым тоном, на который нельзя было сердиться [7, т. 8, с. 16] – Il faut pourtant vous donner le temps de déjeuner, rétorqua Mathieu, d'un ton si amicalement bourru qu'il eût été vain de se fâcher [8, р. 31]; Правда, нехорошо, что она была гувернанткой у нас в доме. Нехорошо! [7, т. 8, с. 10] – Évidemment il est fâcheux que cette personne ait été institutrice chez nous. Oui, c'est fâcheux [8, р. 23].* Такой способ перевода встречается во всех семантических группах, что делает его наиболее частотным. Данный тип перевода наиболее актуален при переводе семантических групп СКС со значением модальности, оценки действия или ситуации, времени и пространства, состояния природы, достаточности, состояния окружающей среды. Таким образом, в шести из выделенных восьми групп перевод с использованием безличных конструкций является самым частоиспользуемым. Однако

построение безличных конструкций возможно по различным моделям, между продуктивностью использования которых и семантикой определенной группы можно установить некоторую связь. Сперва рассмотрим используемые модели.

Первая модель *il* + предикат состоит из формального подлежащего, выраженного десемантизированным личным местоимением третьего лица, и сказуемого, позицию которого занимает безличный глагол или личный глагол в значении безличного, при необходимости присоединяющий синтаксические расширители: *Вы говорите, что жарко?* – сказала она, *остановившись у двери и вопросительно глядя на Вронского...* [7, т. 9, с. 35] – *Vous dites qu'il fait chaud? dit-elle sur le pas de la porte en interrogeant Vronski du regard* [8, р. 649]. Подобного рода конструкции воспринимаются носителями французского языка как целостные устойчивые образования, следовательно, для их обозначения уместно использование термина «конструкт». По этой причине к подобным безличным конструкциям можно отнести и выражения типа *il est temps* (*O! уже пора, – и пошел к двери* [7, т. 8, с. 142] – *Oh! Il est temps que je vous quitte, déclara-t-il et il se dirigea vers la porte* [8, р. 186]; *Помилуйте, в наше время уж пора оставить эту старину* [7, т. 8, с. 58] – *Croyez-moi, il est grand temps de renoncer aux idées d'autrefois* [8, р. 82]), где позицию предиката занимают фундаментальный глагол бытия и именной компонент, но образование не дробится на составляющие, а имеет общее значение наступления определенного момента времени.

Вторая модель *ce* + *être* + приглательное (наречие, существительное) состоит из подлежащего, выраженного указательным местоимением, при необходимости содержащим конкретизирующий формант (*cela ça*), и сказуемого, выраженного фундаментальным глаголом бытия и именной частью (*Нет, мне все равно, – не в силах удерживать улыбки, говорил Левин* [7, т. 8, с. 46] – *Non, cela m'est égal, répondit Levine, souriant malgré lui* [8, р. 68]; *Ах, ужасно! ай, ай, ай! ужасно! – твердил себе Степан Аркадьич, и ничего не мог придумать* [7, т. 8, с. 10] – *Ah! c'est affreux, affreux, affreux! répétait Stéphane Arcadiévitch, sans pouvoir trouver d'issue à son malheur* [8, р. 22–23]). Составляющие конструкций данного типа имеют не такую прочную связь, как составляющие первого типа, т. е. речь пойдет уже не о конструктах, а о целостных конструкциях. Во второй модели, в отличие от первой, местоимение, занимающее позицию подлежащего, не является полностью десемантизированным, его значение заключается в указании на ситуацию, вокруг которой строится новое предложение – ситуацию, занимающую позицию подлежащего в сознании говорящего.

Выбор морфологической принадлежности именной части сказуемого зависит от того, что в данной ситуации обладает наибольшей значимостью для переводчика: признак ситуации, обстоятельства ее протекания или явность. В первом случае используется прилагательное, во втором – наречие, в третьем – существительное, так как именно об этой части речи носитель языка имеет наиболее явное представление за счет его семантики предметности.

Как видно из перевода текста романа, выбор переводчиком безличных конструкций первой модели обусловлен особой значимостью состояния как такового, а не ситуации, в которой оно протекает, или потенциального субъекта – его носителя. Такое понимание категории состояния наиболее близко к описанному Л. В. Щербой⁶ и В. В. Виноградовым⁷.

Указанная модель наиболее характерна для перевода СКС со значением модальности, состояния природы, физического состояния, которое, как следует из французского текста, вероятно, воспринимается носителем французского языка в качестве состояния природы. Общая семантика фрагментов текста, где были использованы безличные конструкции первой модели, позволяет заключить, что под безличным подлежащим *il* подразумевается субъект, который можно назвать творителем состояния, так как связанное с ним состояние протекает вне зависимости от внешних условий и чьего-либо волеизъявления.

При использовании безличных конструкций второй модели переводчик подчеркивает, что значимость имеет не только само состояние, но и ситуация, в которой оно протекает. Наиболее часто такой способ перевода встречается при передаче на французский язык СКС со значением оценки действия или ситуации, пространства и времени, достаточности, а также состояния окружающей среды. Подобный способ встречается и при переводе СКС со значением чувства или эмоционального состояния. В случае необходимости рассматриваемые конструкции могут расширяться за счет включения в их состав прямого дополнения, под которым подразумевается субъект – реципиент состояния (*ça m'est égal*). При подобном переводе предикативное ядро предложения, как и при использовании предикативных конструкций первой модели, является довольно близким к оригинальному.

⁶Щерба Л. В. О частях речи в русском языке...

⁷Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове...

Использование безличных конструкций в описанных случаях позволяет переводчику наиболее точно передать референциальное значение русских СКС, сохранив при этом их языковую значимость, т. е. соотнесенность выражающих звуковых комплексов, называющих состояния, с явлениями объективной действительности.

Перевод с использованием личных глаголов. *Больно! – Где больно? – Везде* [7, т. 9, с. 85] – ...*je souffre. – Où souffrez-vous? – Partout* [8, р. 702]; *Со мной? Со мной счастье! – сказал Левин, опуская окно кареты, в которой они ехали. – Ничего тебе? а то душно* [7, т. 8, с. 468] – *Ce qui t'arrive? le bonheur! répondit Levine en baissant la glace de la voiture. Tu permets? J'étouffe* [8, р. 567]. Такой способ встречается в семантических группах со значением модальности, чувства или эмоционального состояния, оценки действия или ситуации, физического состояния, достаточности, состояния природы и состояния окружающей среды. Позицию подлежащего занимает субъект – носитель состояния, а позицию сказуемого – личный глагол, значение которого сопоставимо со значением русского СКС.

При данном способе перевода подчеркивается значимость субъекта, пребывающего в определенном состоянии, при этом состояние может восприниматься как желание или некоторая возможность субъекта (*я могу, я хочу – je peux, je veux*⁸), результат чувственного восприятия субъекта (*мы увидим – nous verrons*⁹), эмоциональное состояние (*я страдаю – je souffre*¹⁰) или физическое состояние (*я задыхаюсь – j'étouffe*¹¹). Такой перевод позволяет актуализировать временную отнесенность состояния за счет развитой временной парадигмы глаголов французского языка, например, длительность пребывания субъекта в определенном состоянии можно подчеркнуть, используя прошедшее незавершенное время (*Imparfait*).

Механизм связи субъекта, состояния и ситуации можно детализировать при помощи использования наклонений, система которых в французском языке, как и система времен, является более развитой, чем в русском. Так, при помощи условного наклонения (*Conditionnel*) можно указать на связь протекания состояния с некоторыми внешними условиями. Использование личного глагола в качестве предикативного центра позволяет свободно открывать в предложении позиции для объектов и сирконстантов. Таким образом, при переводе русских СКС на французский язык через личные глаголы выражение состояния является более точным и локализованным во времени в сравнении с оригиналом.

Перевод с использованием устойчивых выражений. *Не снять ли теперь пеню, голубушка? – прибавила она, обращаясь к Агафье Михайловне. – Совсем тебе не нужно это делать самой, и жарко, – остановила она Kumi* [7, т. 9, с. 142] – *N'est-ce pas le moment d'écumer, ma chère? demanda-t-elle à Agathe Mikhaïlovna... Non, non, ajouta-t-elle en retenant Kitty prête à se lever, ce n'est pas ton affaire, et tu aurais trop chaud près du feu* [8, р. 767]; *Но он, как и все мужчины, забывал, что и ей надо работать* [7, т. 9, с. 57] – *il oubliait complètement qu'elle aussi avait droit à une certaine activité personnelle* [8, р. 672–673]. Этот способ встречается в таких семантических группах, как СКС со значением модальности, чувства или эмоционального состояния, физического состояния и состояния окружающей среды. В данном случае значимость имеет одушевленный субъект – обладатель определенного состояния. Оперировать понятием «обладатель состояния» позволяет формула, по которой строятся подобные конструкции: *avoir* + существительное или *avoir* + инфинитив. Таким образом, в позиции предиката оказывается фундаментальный глагол со значением обладания и, как правило, абстрактное существительное или инфинитив. Состояние в таком случае воспринимается переводчиком как чувство, которое испытывает субъект (*j'ai honte*), или как явление, которое может оказаться в ведении субъекта (*elle avait droit*).

Отсутствие артикля при существительном в подобных выражениях свидетельствует о том, что сема предметности, присущая существительному как части речи, в данном случае не имеет особого значения. Опираясь на ранее приведенное утверждение Л. В. Щербы, заключим, что существительное в данном случае расценивается как состояние. Для переводчика особенно важен тот факт, что субъект соотносится с состоянием как с фрагментом действительности, являясь в общем смысле его обладателем. Подобное понимание можно соотнести с пониманием субъекта как носителя признака, но сам признак в рассматриваемом случае менее значим, чем его связь с субъектом.

Перевод с использованием прилагательных и причастий. *Вареньке было и больно, и стыдно, но вместе с тем она испытывала и чувство облегчения* [7, т. 9, с. 156] – *Confuse et blessée, Varinka éprouvait pourtant un sentiment de délivrance* [8, р. 782]; *Такое же неприятное чувство испытывал Михайлов при виде живописи Вронского; ему было и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно* [7, т. 9, с. 55] – *La peinture*

⁸Щерба Л. В., Матуевич М. И., Никитина С. А. Большой русско-французский словарь. М.: Русский язык – медиа, 2005. С. 228, 257.

⁹Там же. С. 499.

¹⁰Там же. С. 471.

¹¹Там же. С. 130.

de Vronski produisait sur Mikhaïlov un effet analogue: il la trouvait ridicule, insuffisante, pitoyable [8, p. 671]. В четырех группах из восьми нами зафиксирован способ перевода СКС с помощью прилагательных и причастий. Этот способ используется в группах, содержащих СКС со значением чувства или эмоционального состояния, пространства и времени, состояния природы и состояния окружающей среды. Субъект рассматривается в данном случае как носитель определенного признака, причем признак имеет для переводчика особую значимость. Отглагольный признак, т. е. признак, выраженный причастием, как правило, занимает позицию сказуемого в предложении, чему, вероятно, способствует его глагольная природа, в то время как собственно признак, выраженный прилагательным, чаще всего оказывается в позиции определения или обособленного определения. Предикативная основа предложений, содержащих подобный перевод СКС, меняется, а значит, у человека, читающего текст перевода, возникает восприятие пропозиций, отличное от восприятия человека, читающего оригинальный текст.

Перевод с использованием существительных. *Герой романа уже начал достигать своего английского счастья, баронетства и имени, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого* [7, т. 8, с. 122] – *Le héros de son roman touchait à l'apogée de son bonheur anglais – un titre de baronnet et une terre, ou elle aurait bien voulu l'accompagner – quand soudain il lui sembla que ledit héros devait éprouver une certaine honte et que cette honte rejaillissait sur elle* [8, p. 161]; *Вокруг него было совершенно тихо* [7, т. 9, с. 151–152] – *Il régnait là un silence presque absolu...* [8, p. 778]. В четырех из восьми семантических групп встречается перевод СКС с помощью существительных. Этими группами являются группы СКС со значением модальности, чувства или эмоционального состояния, состояния природы и состояния окружающей среды. Состояние имеет для переводчика наибольшую значимость и воспринимается либо в качестве субъекта объективной действительности, как в случае описания состояния природы (*la chaleur*) или окружающей среды (*un silence*), либо в качестве чувства субъекта – носителя состояния, если речь идет об СКС со значением модальности (*l'obligation*) или эмоционального состояния (*une honte*).

В случае восприятия состояния как субъекта действительности существительные во французском варианте занимают позицию либо подлежащего (остается в предикативном центре), либо дополнения (обозначает смысловое подлежащее при безличном обороте, находящееся на границе предикативного ядра), либо косвенного дополнения (покидает предикативный центр).

Если состояние воспринимается как чувство определенного субъекта, то существительные при переводе, как правило, оказываются в позиции дополнения. Этот факт свидетельствует о смещении значимости с них на глаголы со значением ощущения. При подобном переводе внутри семантики состояния актуализируется сема предметности, что способствует более ясному восприятию состояния.

Перевод с использованием наречий. *Нет, уж, видно, лучшие ни о чем не просить ее нынче, – думал он, – только бы, не напугав, выбраться отсюда* [7, т. 9, с. 352] – *Décidément, se dit-il, je ferais mieux de ne rien demander aujourd'hui et de filer au plus vite; autrement, je pourrais bien me casser le nez!* [8, p. 988]; *Вы этого не можете понять; вам, мужчинам, свободным и выбирающим, всегда ясно, кого вы любите* [7, т. 8, с. 317] – *Vous autres hommes, qui êtes libres dans votre choix, vous savez toujours clairement qui vous aimez...* [8, p. 394]. В трех из восьми групп зафиксирован перевод с помощью наречий (семантические группы, включающие СКС со значением достаточности, времени, оценки действия или ситуации). Использование наречий семантически оправданно только в случае перевода СКС со значением оценки действия или ситуации. Здесь состояние воспринимается как характеристика действия, совершаемого субъектом (*je ferais mieux; vous savez clairement*), т. е. само действие оказывается более значимым, чем его состояние. Синтаксическая роль таких наречий – обстоятельство образа действия.

При переводе СКС со значением достаточности переводчик использует французское наречие *assez*, значение которого идентично русскому наречию *достаточно*. Узус этого наречия во французском языке допускает его самостоятельное употребление в речи. Кроме того, оно может представлять контекстно неполную безличную конструкцию, однако носителям французского языка несвойственно реконструировать контекст, поэтому даже при возможности восстановления конструкции **Est-ce assez?* из слова *assez* носитель французского языка определяет предикативный центр вопроса как одиночное наречие.

Этот исключительный для французского языка случай можно объяснить довольно частым употреблением данного наречия в устной и письменной речи носителей французского языка. При переводе СКС со значением времени переводчик использовал вопросительное наречие *vraiment*, которое носитель русского языка определил бы, скорее, как вопросительную частицу, но для носителя французского языка решающим фактором определения части речи является морфологический облик слова. Так, суффикс *-ment* предполагает отнесение рассматриваемого слова к наречиям. Таким образом, выбор использования наречий при переводе СКС мотивирован либо восприятием состояния как характеристики действия, либо интенцией переводчика.

Перевод с использованием грамматических трансформаций. *Ответ этот: надо жить по потребностям дня, то есть забыться* [7, т. 8, с. 10] – *De réponse il n'en trouvait point...: se plonger dans le tran-tran quotidien, c'est-à-dire oublier* [8, р. 23]; *Вронский не говорил с ним о своей любви, но знал, что он все знает, все понимает как должно, и ему приятно было видеть это по его глазам* [7, т. 8, с. 210] – *Sans lui en avoir jamais soufflé mot, il lisait dans ses yeux que Iachvine savait tout et prenait la chose avec sérieux voulu* [8, р. 266]. Подобное явление встречается в пяти из восьми семантических групп. При переводе СКС со значением модальности, оценки действия или ситуации, времени и пространства наблюдается опущение слова-состояния, т. е. переводчик считает возможным передать общее значение предложения без включения в его структуру слова-состояния, что свидетельствует о совершенно ином восприятии данной категории носителем французского языка. Иногда состояние вообще не является для переводчика значимой единицей, следовательно, при переводе его можно опустить.

В случаях перевода СКС со значением достаточности, чувства или эмоционального состояния наблюдается полная грамматическая трансформация: происходит замена предикативного центра предложения. Задачей переводчика в таком случае является передача прагматического значения слова-состояния. Следовательно, для сохранения коммуникативной значимости выражения, центром которого является СКС, допустимо использовать лексические единицы, релевантное значение которых может быть несопоставимо с оригинальным значением, например, использование метафоры *il lisait dans ses yeux* [8, р. 266] вместо выражения *ему приятно было видеть это по его глазам* [7, т. 8, с. 210].

Заключение

Проведенное исследование позволяет представить языковые средства, с помощью которых СКС переводятся с русского языка на французский в виде поля: центральная зона – это перевод с использованием безличных конструкций и личных глаголов, в зоне ближней периферии оказываются перевод с использованием прилагательных и причастий, перевод с использованием существительных, а также перевод с использованием устойчивых выражений, в зону дальней периферии попадает перевод с использованием наречий. В последнюю зону можно включить перевод, при котором возникает грамматическая трансформация конструкции.

Концепция состояния складывается из трех взаимосвязанных ядерных элементов: само состояние, субъект и ситуация. Выбор средства перевода зависит от того, какой из элементов переводчик наделяет большей значимостью. Важное значение имеет и характер субъекта (его роль творителя или носителя состояния напрямую влияет на перевод). Выбранное переводчиком грамматическое средство показывает, как воспринимается состояние и какой элемент значения актуализируется.

При восприятии состояния как такового и сохранении его значимости в переводе используется безличный оборот. Модель с использованием безличного оборота выбирается в зависимости от характера подлежащего. Если за формальным подлежащим скрывается некоторый субъект, узус которого позволяет считать его творителем непроизвольно возникающего состояния, то переводчик использует модель *il* + предикат. В позиции предиката оказывается безличный глагол или личный глагол в значении безличного. Так переводчик сохраняет особую значимость состояния как такового. Если считать, что местоимение *il* имеет идейную нагрузку, то содержащие его устойчивые выражения можно считать идиомами. При таком переводе ситуация не имеет принципиального значения, поскольку возникновение и протекание состояния не зависит от внешних факторов.

В случае влияния ситуации на состояние, которое воспринимается как смыслообразующий центральный элемент предложения, используется безличная конструкция типа *se* + *être* + прилагательное (наречие, существительное). Состояние здесь, как и в первом случае, воспринимается как таковое, однако более вероятно возникновение его связи с субъектом, но такая связь либо не подчеркивается, либо определяется через введение прямого дополнения со значением субъекта – носителя состояния. Именная часть сказуемого может быть представлена разными частями речи в зависимости от того, какая сема состояния актуализируется переводчиком. Если фокус внимания сосредоточен на семе признака, то употребляется прилагательное или наречие в зависимости от характера признака: при соотношении состояния с предметом выбирается прилагательное, при добавлении элемента процессуальности – причастие, при соотношении с действием или такими категориями, как время и пространство, используется наречие. Когда актуализируется сема предметности, средством перевода состояния оказывается существительное, при этом переводчик может воспринимать состояние как эмоцию или ощущение. Важно заметить, что вне зависимости от частеречной принадлежности сказуемого внутри безличной конструкции первостепенную значимость имеет состояние как таковое, а субъект и ситуация протекания являются факультативными факторами.

Особую значимость для переводчика может иметь связь состояния и субъекта-носителя. В таком случае категория состояния переводится через личные глаголы. Этот способ дает возможность подчеркнуть процессуальную природу состояния, а также его соотнесенность со временем и ситуацией протекания. Глаголы достаточно разнообразны семантически, чтобы с их помощью передавать оригинальное значение состояния, они обладают достаточной синтаксической валентностью для расширения предложения необходимыми элементами, характеризующими ситуацию. Но здесь в переводе фиксируется значительное отличие от оригинального текста. В тексте на русском языке предикативный центр представлен одиночными СКС, а значит, связь с субъектом не является ключевой для понимания пропозиции, в переводе на французский субъект – носитель состояния попадает в предикативный центр, что делает его настолько же значимым, как и само состояние.

Субъект может наделяться особой значимостью и восприниматься переводчиком как носитель состояния или обладатель признака. Для того чтобы подчеркнуть связь состояния и субъекта при условии, что оба эти компонента являются центральными смыслообразующими элементами предложения, переводчик может использовать устойчивые выражения типа *avoir* + существительное. При необходимости субъект здесь становится обладателем некоторой черты, под которой в широком смысле подразумевается чувство, эмоция, возможность и т. п.

Признак может становиться для переводчика первостепенной семой состояния, тогда для его передачи на французский язык используются прилагательные или причастия. Перевод с помощью причастий при актуализации семы признака позволяет подчеркнуть процессуальную природу состояния и сохранить состояние внутри предикативного центра предложения, в то время как при использовании прилагательных оно выходит из зоны предикативного центра и занимает позицию определения, чаще обособленного, что сохраняет фокус внимания на признаке. Субъект воспринимается как носитель признака. Ситуация является факультативным элементом.

Состояние может восприниматься как самостоятельный субъект действительности, причем степень его восприятия может быть сопоставима с физическим ощущением. Тогда актуализируется сема предметности и при переводе используется существительное. Подобная передача состояния позволяет делать его или смыслообразующим элементом, помещая в центр пропозиции, или второстепенным, отправляя на периферию, что влечет за собой изменение синтаксической роли состояния. Потенциал существительного позволяет сопоставлять опредмеченное состояние с ситуацией, действиями и их временной отнесенностью, наделять его теми или иными признаками.

Восприятие состояния как признака действия выражается в использовании наречия при переводе. Предикативный центр в таком случае смещается на действие, которое попадает в позицию сказуемого, а состояние становится его синтаксическим расширителем в позиции обстоятельства образа действия. Значение наречия в русском и французском языках аналогичны, а поскольку по формальным признакам СКС в большинстве случаев идентичны наречиям [1], то справедливо их сопоставление с *les adverbess*.

При переводе первостепенной задачей может являться сохранение прагматического значения конструкции, содержащей в оригинале СКС. Чтобы сохранить ее общую значимость в коммуникативном акте, переводчик прибегает к грамматической трансформации рассматриваемых конструкций. В одних случаях достаточным для переводчика является опущение СКС, в других необходима полная лексико-грамматическая трансформация. Когда при переводе опускается СКС, но общая структура предложения не меняется, как правило, сохраняются общий смысл и атмосфера оригинального текста. При полной грамматической трансформации сохраняется атмосфера оригинала и эффект воздействия на читателя, даже в случае использования переводчиком языковых средств, лексически не сопоставимых с оригинальными, но обладающих необходимой смысловой значимостью.

В результате проведенного исследования было установлено, что в случае описания состояния, которое проявляется только в семантических категориях модальности, состояния природы и в некоторых случаях описания состояния окружающей среды, которое, согласно примерам из текста, семантически не отделимо от состояния природы, передается значение, наиболее точно соответствующее оригинальному смыслу, вкладываемому в понятие СКС. В остальных случаях происходит актуализация таких понятий, как субъект и (или) ситуация, определение их специфики и связи с состоянием, которое может восприниматься переводчиком как таковое, как признак субъекта, ситуации или действия, совершаемого субъектом, или же как самостоятельный субъект, существующий в объективной действительности.

Однако стоит учитывать, что восприятие состояния в целом носит субъективный характер. Следовательно, выбор тех или иных называющих его языковых средств обусловлен тем, как выглядит модель объективной реальности (в данном исследовании понятие синонимично авторской реальности,

т. е. языковой реальности Л. Н. Толстого) в сознании переводчика. Интегрирование ее в текст при создании перевода в конечном счете приведет к созданию иной, в сравнении с оригинальной, языковой реальности, а значит, можно утверждать, что носители русского и французского языков при прочтении одного и того же текста столкнутся с различными языковыми пространствами и разной действительностью.

Библиографические ссылки

1. Перзашкевич АО. Формирование лексико-грамматической категории состояния в русском языке. *Русский язык и литература*. 2025;5:55–64.
2. Флоровский Г. *Пути русского богословия*. Париж: YMCA-Press; 1937. 620 с.
3. Ильин ИА. *Собрание сочинений. Том 2. Книга 2*. Москва: Русская книга; 1993. 481 с.
4. Кульман НК. *О русском правописании*. New York: Holy Trinity Monastery Jordanville; 1964. 16 с.
5. Пешковский АМ. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Языки славянской культуры; 2001. 544 с.
6. Перзашкевич АО. К вопросу о синкретичной природе состояния в русском языке. У: Навумава ГУ, рэдактар. *Мова і літаратура. Матэрыялы 82-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ; 23 красавіка 2025 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2025. с. 75–79.
7. Толстой ЛН. *Собрание сочинений*. Москва: Художественная литература; 1963. Анна Каренина; том 8–9.
8. Tolstoj L. *Anna Karénine*. Paris: Gallimard; 1992. 1168 p.

Статья поступила в редколлегию 12.02.2026.
Received by editorial board 12.02.2026.